УДК 141.32:124.5(470+571) DOI: 10.5281/zenodo.16890671 EDN: XGKILN

СУДЬБА РОССИИ: ПРОРОЧЕСТВА Н. БЕРДЯЕВА И СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС

© **2026** ***Н.Н. Емельянова***
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье исследуются идеи Н. Бердяева об особенностях русского менталитета и миссии России на мировой арене. Рассматриваются социально-философские проекты преобразования России и Запада, анализируются проблемы свободного творчества и построения персоналистического общества. Пророчества русского мыслителя осмысливаются с позиции современного дискурса в условиях борьбы России за сохранение национальных ценностей.

Ключевые слова: Н. Бердяев, Россия, русский характер, ценности, свободное творчество.

Судьба России всегда была в центре внимания отечественных мыслителей, размышлявших об особенностях ее развития, исторической миссии и перспективах. Представители русского космизма связывали будущее человечества, в том числе России, с утверждением морали бессмертия, которая подвигнет людей на бережное отношение к окружающему миру и создание гармоничных общественных отношений. В.С. Соловьев был убежден в том, что России предстоит жертвенная и очистительная миссия, задача которой – примирить социальные и религиозные противоречия на мировой арене, а также преодолеть издержки «мертвой твердыни Востока» и непомерного эгоцентризма Запада. Мыслители Серебряного века, многие из которых впоследствии оказались в изгнании, продолжали творить во имя великой России, навсегда оставшейся для них богоносной державой. Н. Бердяев, написавший в период Первой мировой войны ряд статей под показательным названием «Судьба России», выразил чаяния русской интеллигенции, непоколебимо верившей в великое будущее святой Руси. Его мысли и пророчества пережили столетие тяжелейших испытаний, выпавших на долю Отчизны, и сохранили актуальность в наши дни, когда патриотам России приходится с оружием в руках отстаивать право на национальную честь, достоинство и свободу.

Целью исследования является выявление востребованности идей Н. Бердяева о мировом предназначении России в условиях современной борьбы за сохранение основополагающих русских ценностей. Задачей исследования является анализ пророчеств Н. Бердяева в контексте современного дискурса.

В годы Первой мировой войны и в России, и в странах Запада предельно обострились социальные и политические противоречия. Размышляя об этих противоречиях, Н. Бердяев проницательно отмечал, что Европа претендует на роль культурной Вселенной, хотя на самом деле она всего лишь провинция земного шара, вовлеченного в круговорот событиями мировой войны. При этом надо понимать, что данная война является проявлением внутреннего зла, питающегося ненавистью и враждой – того тяжкого духовного недуга, в котором давно пребывают мировые державы. Культурная идеология европейских стран пропитана ложью и насилием, их мировоззрение ущербно и поверхностно. «А самомнение европейского, буржуазного и научного, цивилизаторского сознания – явление столь жалкое и пошлое, что оно духовно может рассматриваться лишь как симптом наступающего конца Европы – монополиста всемирной цивилизации» [1]. Подобной монополии Европы приходит конец, идет

стремительное сближение Запада и Востока. Именно России как могущественному Востоко-Западу предстоит стать новым типом культуры, пронизанным внутренней преображающей силой, способной дать человечеству подлинное единство. Но понятие единого человечества не является абстрактным, оно предполагает то высокое качество личности, которое именуется всеобъемлющей человечностью.

Осмысливая сущность русского национального характера и призвание России на мировой арене, Н. Бердяев приходит к выводу об уникальной противоречивости русского духа, погруженного в трансцендентный дуализм. Философ обнаруживает «антиномичность» России, которая удивительным образом соединяет в себе, казалось бы, несовместимые тенденции и признаки, поразительные контрасты духа – свет и тьму, пропасти и вершины.

С одной стороны, Н. Бердяев с горечью констатирует культурную отсталость России, ту варварскую тьму, в которой он усматривает хаотическую стихию Востока. По его мнению, многострадальному русскому народу свойственны смирение и аполитичность, неумение устроить свою землю, отсутствие национального самодовольства, доходящее до самоуничижения. В отличие от самоуверенных европейцев, преисполненных сознания собственной исключительности, русские никогда не были склонны к шовинизму и агрессивному национализму: «Русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость и часто даже – увы! – чуждо национальное достоинство... В русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомая западным народам» [1]. Считая англичан, французов и немцев в массе своей шовинистами, полными вековой национальной самоуверенности, Н. Бердяев подчеркивает, что в России национализм всегда воспринимался как что-то наносное, пришедшее из «неметчины». Потому и русской интеллигенции были присущи сверхнациональные идеалы, отражающие всечеловеческий дух русского народа.

С другой стороны, указывает Н. Бердяев, наш аполитичный народ сумел создать великую могущественную империю, ставшую самой государственной и бюрократической страной в мире. Именно этот «отсталый» народ продемонстрировал ту свободу духа, которая далека от жажды земной прибыли и пользы. Русскому православному сознанию всегда было чуждо поклонение золотому тельцу; поэтому не следует подражать Европе, исповедующей культ материальных благ и привилегий. Надо уяснить, что Россия не похожа на другие государства, что она представляет собой уникальную страну, имеющую особое предназначение: «Россия – страна бытовой свободы, неведомой передовым народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами. Русская душа сгорает в пламенном искании правды, абсолютной, божественной правды и спасения для всего мира и всеобщего воскресения к новой жизни. Она вечно печалуется о горе и страдании народа и всего мира, и мука ее не знает утоления. Душа эта поглощена решением конечных, проклятых вопросов о смысле жизни» [1]. Россия, которая всегда была землей русского народа, богоносной матерью-Богородицей, сумела стать страной необозримых духовных горизонтов и беспредельной свободы. Это страна искателей и бунтарей, послушников и богоборцев, мятежников и вечных странников. Однако, отмечает Н. Бердяев, эта бесконечная свобода русского духа парадоксальным образом уживается с сервилизмом (рабской психологией), отсутствием прав и достоинства личности.

Разрабатывая философию персонализма, русский мыслитель страстно отстаивает свободу личности, которая в России издавна подавлялась в угоду социальным интересам. Здесь внешнее всегда превалировало над внутренним, социальное – над

экзистенциальным. Недооценивались творческие силы человека, его способность к духовному возрождению. Даже в демократической идеологии не было понимания того, что свобода и ответственность личности, ее права и обязанности неразрывно связаны. Однако подлинная внутренняя свобода неотделима от чувства ответственности, иначе она трансформируется во вседозволенность и произвол. Только свободное творчество личности, осознавшей свое предназначение, сможет преодолеть бессмыслицу бытия в мире вещей. На утверждение свободы и творчества должны быть направлены усилия лучших представителей духовной элиты общества. Но русская интеллигенция, зараженная плоско понятым материализмом, оторвана от национальной почвы, судьба отечественных писателей трагична, религиозная жизнь порабощена государством. Христианство воспринимается народом упрощенно и корыстно, и даже духовенство нередко погружено в материальный быт.

Будучи глубоко религиозным мыслителем, Н. Бердяев постоянно подчеркивает экзистенциальную основу связи человека и Бога. Если для Ф. Достоевского отсутствие Бога дает человеку право на вседозволенность, то для Н. Бердяева оно означает отсутствие сокровенной Тайны, торжество абсурда и смерти. В человеке есть многое и от Бога, и от дьявола: любовь, жертвенность, высокие духовные устремления и одновременно – злобность, эгоизм, рабская покорность тоталитарным притязаниям общества. По убеждению философа, любой социум, исповедующий принцип монизма, содержит в себе угрозу тирании. Стремясь ограничить власть общества над личностью, Н. Бердяев призывает обратиться к дуализму Христа, признающего равноправное существование двух миров – царства Кесаря и царства Божия. Для построения персоналистического общества необходимо совершить его трансформацию из объекта в субъект, сделать его частью личности, в которой изначально содержится весь космос. Личность, воплощающая в себе свободное творчество духа, не подвластна диктату общества и государства.

Разоблачая угрозы социального монизма, Н. Бердяев, в то же время, критично оценивает принцип плюрализма, поскольку он проповедует индивидуализм и сомнительные ценности капиталистического общества. Русский философ озабочен тем опрокидыванием ценностей, которое совершается не только на его Родине, но и во всем просвещенном мире. Высшие ценности растоптаны, смысл жизни утрачен, торжествует утилитаризм массы, в том числе – прагматизм высокопоставленной черни.

Показательно, что, размышляя о низкопробных ценностях своей эпохи, Н. Бердяев обращается не только к идеям Ф. Ницше, яростно разоблачавшего приоритеты раззолоченной черни, но и к творчеству А. С. Пушкина, духовная свобода которого противоречила потребностям человеческой массы. Н. Бердяев убежден, что русский поэт противостоял прежде всего черни чиновников и дворян: «Чернь может менять свой социальный состав» [1]. Только свободный творец, не подчиненный властным либо коллективным социальным заказам, может исповедовать служение высшим ценностям – добру, истине, красоте. Он обладает свободой совести, позволяющей ему сохранять достоинство и твердое духовное начало. Подлинное творчество всегда аристократично, но именно поэтому оно способно выразить дух народа. Пока же в русском обществе господствует инертный консерватизм, повсюду – невежество, стяжательство, купеческий дух, засилье тяжелого бюрократизма. И в то же время – тяжелая грозная стихийность, тяга к разрушению, своего рода народный дионисизм: «В России много варварской тьмы, в ней бурлит темная, хаотическая стихия Востока» [1].

Отметим, что Н. Бердяев неслучайно вводит в свою концепцию понятие дионисизма как феномена, противостоящего аполлонизму и символизирующего

иррациональное начало в человеке. Если Аполлон воплощает в себе упорядоченность и рациональность, то Дионис олицетворяет инстинкты и эмоции. Вслед за Ф. Ницше, исследовавшим в свое время дихотомию гармоничного и хаотичного начал человеческой души, русский философ обращается к образу Диониса, который знаменует вечное самовозрождение и неустанно утверждает жизнь в ее абсурдном изобилии. Показательно, что у Ф. Ницше дионисийство символизирует тот опыт возвращения, который основан не на ущербности человека, а на дремлющем в нем избытке, на экзистенциальной сверх-наполненности духа. Дионисийский пессимизм перекрывается дионисийским же самосотворением, и, когда аполлонийская трезвость мысли уравновешивает дионисийское буйство, оно вновь прорывается своим стихийно-ликующим вдохновением. Дионис бросает вызов собственной смерти и каждый раз выходит из этого поединка победителем. Преодолевая в подлинном смысле нечеловеческие муки, он предстает и Богом, для которого нет ничего невозможного, и духом, который властно возвращает человека к парадоксальному великолепию жизни.

Обращаясь к проблеме русского дионисийства, Н. Бердяев разрывает границы житейского и сакрального, деструктивного и конструктивного. Он показывает, как человек остается наедине с миром, не имеющим пределов, и заставляет его совершить экзистенциальный прыжок в вечность. Национальный разум и национальная воля черпают из собственной безмерности дионисийскую энергию и целостность. Философ выявляет трагический гротеск, свойственный дионисийским превращениям, получающим импульс от вечности и возвращающим его прогрессирующей жизни. Жизненный экстаз Диониса символизирует стихийную непреодолимость бытия, выстроенного волевыми усилиями героической личности. Саморазрушение, в глубине которого не перестает пульсировать неуклонная воля, оборачивается самосозиданием в разомкнутом круге вечно возрождающегося существования. По выражению российского писателя-символиста Вяч. Иванова, Дионис, призрачно колеблющийся между возникновением и уничтожением, сочетающий в себе нигилистический гротеск и жизненную силу, означает Ничто мира – одновременно извечную жертву и вечное восстание [2, с. 42].

Воля к созиданию побуждает творческую личность обрести мужество в мире, не дающем никаких обещаний и твердых надежд. Смерть Бога, сделавшая мир пустым, а жизнь – лишенной вечного смысла, может осиротить человека, но воля к жизни при этом не иссякает. Тем не менее, люди по-прежнему придавлены к земле духом тяжести, и задачей теперь становится их освобождение, то есть превращение в утвердительную силу. Такое освобождение знаменует создание новых ценностей преображенной жизни. Подобно бесконечно возрождающемуся Дионису, обновленный человек возрождается как символ вечного самопревосхождения. Позднее к образу Диониса обращается и известный представитель постмодернизма Ж. Делез. Вписывая Диониса в свою «философию различия», он характеризует его как Бога метаморфоз, как то единичное, что утверждает множество и само утверждается множеством [3, p. 88].

Примечательно, что феномен дионисийства, осмысленный Н. Бердяевым применительно к русской душе, получает развитие у современных отечественных философов. Так, В.В. Аксючиц подчеркивает, что характер русского человека, от природы обладающего выносливостью, сметливостью, твердостью, сложился в результате многих факторов, в том числе – национального идеала и народных эмоций, страстей и аффектов. Автор обращает внимание на отличие русского человека от западного, бунт которого по сути своей утилитарен и всегда подчинен прагматической цели. Такой бунт ограничен определенными пределами и не выходит за допустимые рамки, в то время как русский

бунт, не имеющий ограничений и подчиняющийся слепой стихии, выливается в слепую одержимость, жестокость и насилие: «Русскому характеру свойственна антиномичность, когда национальные достоинства сменяются пороками. При смене состояния народа или радикальном изменении условий жизни народный дионисизм и стихийность могли обернуться мятежом – русским бунтом» [4, с. 70].

В душе русского человека никогда не было того холодного расчета, который нередко сохраняется в душе европейца, стремящегося к формальным юридическим свободам. Русские не разделяли понятия свободы и воли, они стремились к самоопределению по зову сердца. С одной стороны, это порождало внутреннюю свободу, не противоречащую традиционным духовным предписаниям; с другой стороны, приводило к слабо развитому правосознанию. Отсюда – те проявления своеволия, склонности к анархии, о которых сокрушался Н. Бердяев. В то же время, русские лишены нравственной гордыни, они справедливы, милосердны и добросердечны. В отличие от просвещенных европейцев или американцев, представители русской интеллигенции всегда сочувственно относились к народам, населяющим национальные окраины: «Интернационализм и космополитизм американской цивилизации выстроены на костях несогласных. Русская цивилизация строилась соборно, совместно со всеми народами Евразийского континента» [4, с. 78]. Подобная терпимость и отзывчивость прививалась русскому человеку православной религией, воспитывающей его в духе духовного коллективизма. То свойство русского характера, которое Ф. Достоевский называл всемирной отзывчивостью, проявлялось и продолжает проявляться в братском единении с народами разных национальностей и вероисповеданий. Именно поэтому русские способны к очищающему покаянию и принятию на себя ответственности за судьбу Отечества и мира в целом.

Н. Бердяев убежден, что для духовного перерождения человечества необходимо преодолеть бедность и социальную неправду, отринуть чуждые нам нравственные ориентиры. Стремясь осмыслить перспективы Великой России, он предрекает отказ русской интеллигенции от отрицания абстрактных святынь и обращение к творческому союзу христианских сил для восстановления подлинных ценностей. Усилия национальной воли следует направить к решению проблемы русского мессианизма. По убеждению философа, мессианское сознание ни в коем случае нельзя отождествлять с национализмом; напротив, оно глубоко противоположно последнему, поскольку само по себе является универсальным. «Мессианское сознание есть сознание избранного народа Божьего, народа, в котором должен явиться Мессия и через который должен быть мир спасен. Богоизбранный народ – мессия среди народов…» [1]. Именно русский народ является богоизбранным, и задача его – осуществить свое мировое пророчество, устремленное к абсолютной любви и абсолютной свободе.

Поскольку Н. Бердяев отвергает крайности как славянофильства, так и западничества, возрождение русского духа должно, по его замыслу, преодолеть любые идеологические издержки и преобразить не только жизнь великой России, но и духовные запросы Запада. При этом нельзя полагаться на стихийные силы истории: только объединенное человеческое творчество может дать силу для продуктивного созидания будущего. Препятствием к этому может стать ментальная особенность, которую Н. Бердяев определяет как тайну русского духа, устремленного ко всему абсолютному и окончательному. «Но в природно-историческом процессе, – отмечает автор, – царит относительное и среднее. И потому русская жажда абсолютной свободы на практике слишком часто приводит к рабству в относительном и среднем и русская жажда абсолютной любви – к вражде и ненависти» [1]. Поэтому необходимо рождение

нового сознания, отказ от спекулятивных социологических, моральных и догматических схем, от отвлеченных идей добра, истины, справедливости. Отечественная интеллигенция должна постичь всю сложность исторического многообразия, но при этом обязана сохранить в душе непреходящую, глубоко русскую ценность. Призвание русской интеллигенции философ видит в освобождении от провинциализма и выходе на историческую арену, чтобы нести в мир свою жажду правды, свою волю и мечту о всеобщем мировом спасении. Предстоит переживание самобытной исторической судьбы России, причем оно будет одновременно и героическим, и трагическим. Впереди много трудностей по преодолению дионисийских стихий в народном сознании, поэтому очень важно опираться на веру народа в святую Русь.

При всей хаотичности душевных устремлений русский человек с благоговением относится к своей земле и искренне поклоняется святым. При этом он не задается высокодуховными целями сознательно; поклоняясь святости, он спасается обращением к многочисленным святыням и отдает им свою бесконечную любовь. Эта особенность русской души свойственна не только простому народу, но и представителям интеллигенции, в том числе – атеистической. Но такое поклонение святости имеет и обратную сторону: признается исключительная ценность совершенства, стоящего над человеком, и недооценивается совершенство реально существующего субъекта. Отсюда – склонность русской души к погружению в низшие греховные состояния, в грязь и распущенность, бесчестие и жестокость.

Исследуя трансцендентный дуализм русского национального характера, Н. Бердяев с горечью констатирует идейную инертность интеллигенции, ее равнодушие к концептуальному творчеству и вялость мысли. Печально сложившаяся история Отечества обусловила направленность духовной энергии образованных людей на характерно русскую мысль о всеобщем спасении. Жертвенность судьбы России, заслонявшей собой Европу от татарского нашествия, отнимала у нее силы для собственного свободного развития. Эта жертвенность, с одной стороны, несла в себе настоящую русскую правду; с другой стороны, она порождала в массах то невежество, о котором сокрушались еще представители народнического движения 70-х годов XIX в. Разрабатывая идею русского общинного социализма, народники в лице П.Н. Ткачева и его сторонников боролись против самодержавия, но осознавали дремучесть и невежество низших классов России. Н. Бердяев, считавший П.Н. Ткачева якобинцем, не верящим в народ и видевшим в нем лишь материал для радикального переустройства общества, тем не менее, ценил его как крупного революционного теоретика и вслед за ним отмечал тот уклон к невежеству, который порождается в русском человеке равнодушием к истине.

Критикуя русский народ за ментальную раздвоенность, философ упорно возвращается к его живому духу, хранящему великие сакральные силы. Огромные духовные возможности, дремлющие в русской душе, должны получить актуализацию. Любовь к России сама по себе стихийна, потому что Родину любят не за какие-то особые качества и заслуги. Это произвольное глубокое чувство, содержащее национальный творческий инстинкт. Интересы любых партий и классов отступают перед этой всепоглощающей любовью и тревогой за судьбу Отчизны. Вбирая в себя новые мысли и осознавая собственную мировую роль, Россия должна осознать себя как бытийственный факт, как творческую задачу, возведенную до общечеловеческого масштаба: «Человечество и мир ждут луча света от России, ее слова, неповторимого дела. Всечеловечество имеет великую нужду в России» [1]. Но эта историческая миссия, убежден Н. Бердяев, не укладывается в рамки традиционного

интернационализма и тем более – космополитизма. Речь идет о творении уникальной русской жизни, вбирающей в себя высшую полноту всех национальных признаков и достоинств. В ней нет места зоологическим инстинктам, вражде к иным народам и этносам. Русский человек должен быть возведен до всечеловеческого уровня, но обязательным условием является сохранение конкретных национальных идей личности и нации. Судьба отдельного человека изначально вписана в судьбу его народа, а в общеисторическом смысле – и в судьбу целого мира: «*Национальность есть моя национальность и она во мне, государственность – моя государственность и она во мне, церковь – моя церковь и она во мне, культура – моя культура и она во мне, вся история есть моя история и она во мне… Я живу в прошлом и будущем истории моего народа, истории человечества и истории мира»* [1].

Несомненно, размышления Н. Бердяева о русском духе, исторической миссии России и месте личности в социуме весьма актуальны в наши дни. Идеи русского философа, возникшие в годы Первой мировой войны, оказались востребованными в условиях борьбы России за сохранение основополагающих национальных ценностей. Кроме того, экзистенциальный выбор, сделанный жителями Донбасса, убедительно доказал общность судеб большой России и новых регионов Новороссии. Как справедливо указывает В. В Волошин, понятие экзистенциального выбора (ЭВ) стало не только частью концептуального каркаса различных наук, но и вошло в лексикон государственных и общественных деятелей, публицистов и блогеров: «Оказалось, что ЭВ – не только удел отдельного человека, но и крупных социальных групп, регионов и даже государств» [5, с. 48]. Этот выбор дает нам устойчивую перспективу развития в составе многогранного Русского мира.

Отметим, что современный дискурс вбирает в себя различные интенции общественного сознания, обусловленные множественными факторами экономического, политического и духовного развития общества в эпоху, именуемую постмодерном. В России, твердо сохраняющей свои национальные приоритеты, определение решающих принципов сосуществования с другими государствами остается важнейшей социально-политической задачей. Мы видим, что в условиях глобализации и стремительной цифровизации, охватившей не только бизнес и управление, но и образовательные процессы, Европа по-прежнему претендует на роль «культурной Вселенной». Несмотря на последствия недальновидной миграционной политики, внутренние социально-политические противоречия, ущерб, нанесенный экономике стран Евросоюза подрывом «Северных потоков», самомнение западных лидеров не уменьшается. Их идеология все так же основана на лжи и насилии, а цивилизаторское сознание покоится на вере в собственную исключительность. Однако, как и предрекал Н. Бердяев, эта монополия Европы рушится, и ей на смену приходит мощь Евразийского союза, где России отводится роль суверенного Востоко-Запада. Русские, далекие от шовинизма, по-прежнему демонстрируют удивительное национальное бескорыстие и склонность к жертвенности. Дионисийское начало, дремлющее в русской душе, проявляется в безумной отважности на полях сражений СВО, где ежечасно бросается вызов смерти и совершается подвиг во имя жизни.

Н. Бердяев оказался прав и в вопросе о взаимоотношениях русских людей с жителями национальных окраин. Соборность как отличительная черта русского менталитета породила сочувствие и способность к взаимовыручке, чувство интернационализма и братской сплоченности. Безусловно, путь к осуществлению исторической судьбы России не может быть легким и безопасным. На этом пути было и будет множество ловушек и трагических событий, о чем тоже предупреждал Н.

Бердяев. Самое главное – не терять веру в отечественные сакральные ценности, сохранять силу духа и уверенно противостоять чуждым нам принципам маргинальной идеологии.

Яростная русофобия, захлестнувшая страны просвещенной Европы, стала очевидным фактором современного бытия, требующим адекватной и продуманной реакции со стороны РФ. Собственно говоря, русофобские настроения тлели на Западе многие столетия: «Русофобия коренится в природе западной цивилизации. Православная Россия с ее духовным потенциалом и богатейшими природными ресурсами оказалась инородным явлением в мировой потребительской цивилизации, созданной западноевропейцами» [4, с. 180]. Инаковость России, изначально не желавшей вписываться в конгломерат зарубежных утилитарных ценностей, порождала целую гамму чувств: недоумение, презрение, страх, злобу, ненависть. Пресловутая загадочность русской души вызывала как любопытство, так и раздражение; нежелание России перенести на свою почву стандарты западной жизнедеятельности воспринималось с удивлением и опаской. Мужественное сопротивление русичей иноземным завоевателям в эпоху средневековья, многочисленные победы русского воинства на полях сражений Нового времени, бесславное отступление наполеоновских войск, оказавшихся в ловушке бескрайних российских просторов, и другие военные события показали всему миру несокрушимость русского духа.

Широко известное предостережение Бисмарка касательно бесперспективности открытой войны с Россией («Никогда не воюйте с русскими») основывалось на его знании истории, на протяжении сотен веков демонстрирующей невозможность победы над русским народом. Прусский дипломат считал самоубийством любую превентивную войну против России, сила которой неиссякаема. Он был убежден, что в отношениях с русскими допустима только честная игра, хотя есть способ ее ослабить: «Могущество России может быть подорвано только отделением от неё Украины… необходимо не только оторвать, но и противопоставить Украину России. Для этого нужно лишь найти и взрастить предателей среди элиты и с их помощью изменить самосознание одной части великого народа до такой степени, что он будет ненавидеть всё русское, ненавидеть свой род, не осознавая этого. Всё остальное – дело времени» [5].

К сожалению, это предвидение оправдалось в наши дни: искусно разработанная и внедренная в головы полуобразованных масс идеология печально известного Майдана дала свои плоды. Разгул примитивного национализма, возрождение культа Бандеры, зоологическая ненависть к русскому языку и русской культуре в целом – все эти инспирации, захлестнувшие современную Украину, имеют целью сокрушить Россию как влиятельную мировую державу. Однако святую Русь можно временно ослабить, но невозможно уничтожить. Подобно Фениксу, восстающему из пепла, она непрерывно самовозрождается, преодолевает все невзгоды, избегает ловушек в бесчисленных лабиринтах современного политического и духовного дискурса. Судьба России, предсказанная в пророчествах Н. Бердяева, вновь проявится в ее творческом духе, в богоизбранности, в способности не только самосовершенствоваться, но и «определять и преображать духовную жизнь Запада» [1].

Работа выполнена в рамках инициативной НИР «Экзистенциальный выбор Донбасса и будущее России: социокультурное измерение» (№ госрегистрации 124101500444-8).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. – URL: https://www.litres.ru/book/nikolay-berdyaev/sudba-rossii-174567
2. Иванов Вяч. Лик и личины России: эстетика и литературная теория / вступ. ст., предисл. Аверинцева С. С. – М.: Искусство, 1995. – 671 с.
3. Deleuze G. Nietzsche et la philosophie. – P.: PUF, 1988. – 232 p.
4. Аксючиц В. В. Русский Характер. – М.: Издательство: Традиция, 2011. – 477 с.
5. Волошин В. В. Определение понятия «экзистенциальный выбор» // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б.: Гуманитарные науки. – 2025. – № 2. – С. 48-55.
6. Казакова Елена. «Русских невозможно победить»: Вековая мудрость Отто фон Бисмарка. Что «железный канцлер» говорил о России и Украине? / URL: https://runews24.ru/articles/17/06/2024/russkix-nevozmozhno-pobedit-vekovaya-mudrost-otto-fon-bismarka-chto-zheleznyij-kanczler-govoril-o-rossii-i-ukraine

REFERENCES

1. Berdyaev N. A. The Fate of Russia / N. A. Berdyaev. https://www.litres.ru/book/nikolay-berdyaev/sudba-rossii-174567 – The name. from the screen.
2. Ivanov Vyach. The face and disguises of Russia: aesthetics and literary theory / intro. art., preface. Averintseva S. S. – M.: Iskusstvo, 1995. – 671 p.
3. Deleuze G. Nietzsche et la philosophie. – P.: PUF, 1988. – 232 p.
4. Aksyuchits V. V. Russian Character. – M.: Publisher: Traditsiya, 2011. – 477 p.
5. Voloshin V. V. Definition of the concept of “existential choice” // Bulletin of the Donetsk National University. Series B: Humanities. – No. 2, 2025. – Pp. 48-55.
6. Kazakova Elena. "Russians Cannot Be Defeated": The Age-Old Wisdom of Otto von Bismarck. What did the "Iron Chancellor" say about Russia and Ukraine? / https://runews24.ru/articles/17/06/2024/russkix-nevozmozhno-pobedit-vekovaya-mudrost-otto-fon-bismarka-chto-zheleznyij-kanczler-govoril-o-rossii-i-ukraine – Name. from the screen.

THE FATE OF RUSSIA: N. BERDIAEV'S PROPHECIES AND THE CONTEMPORARY DISCOURSE

N.N. Yemelyanova

The article explores N. Berdyaev's ideas about the peculiarities of the Russian mentality and Russia's mission on the global stage. It examines the socio-philosophical projects for the transformation of Russia and the West, and analyzes the issues of free creativity and the construction of a personalistic society. The prophecies of the Russian thinker are interpreted from the perspective of contemporary discourse in the context of Russia's struggle to preserve its national values.

Key words: N. Berdyaev, Russia, The Russian character, values, free creativity.

Поступила в редакцию 04.12.2025 г.

Емельянова Наталия Николаевна
Доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии,
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, РФ.
E-mail: emeljanova.n.n@bk.ru

Yemelyanova Natalia Nikolaevna
Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Professor of the Chair of Philosophy,
FSBEI HE «Donetsk State University»,
Donetsk, RF.
E-mail: emeljanova.n.n@bk.ru